

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Общее понятие хищения по российскому уголовному праву»

Обучающийся

А.В. Кудрявцев

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, П.А. Кабанов

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность исследования проблематики хищений обусловлена их значительной долей в структуре преступности, возрастающей сложностью квалификации новых способов совершения имущественных преступлений в условиях цифровизации экономики, а также несовершенством законодательных формулировок, создающих правовую неопределённость при квалификации отдельных форм хищения. Несмотря на обширную научную разработку темы, в правоприменительной практике сохраняются противоречия в толковании признаков хищения, особенно при разграничении смежных составов, что порождает риски необоснованного привлечения к уголовной ответственности или, напротив, ухода виновных от заслуженного наказания. Защита права собственности как одного из фундаментальных конституционных прав граждан требует совершенствования юридической техники уголовно-правовых норм об ответственности за хищения, устранения существующих пробелов и коллизий, гармонизации общих и специальных составов, а также выработки единообразного подхода к квалификации таких преступлений в условиях появления новых форм противоправного завладения чужим имуществом.

Цель исследования – проведение комплексного теоретико-правового анализа общего понятия хищения в уголовном праве России, а также формулировка предложений по оптимизации норм уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за хищение.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-правовой защиты права собственности от преступных посягательств, выражающихся в хищении.

Предмет исследования – уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за хищение, научное толкование его сущности, а также правоприменительная практика судов по соответствующим уголовным делам.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика хищения	7
1.1 Определение понятия хищения.....	7
1.2 Виды и формы хищения.....	11
1.3 Исторический аспект развития уголовной ответственности за хищение	18
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика хищения.....	26
2.1 Объективные признаки хищения	26
2.2 Субъективные признаки хищения	31
Глава 3 Основные проблемы и направления совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за хищение	38
3.1 Проблемные вопросы квалификации хищений по российскому уголовному праву	38
3.2 Рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за хищение.....	51
Заключение.....	58
Список используемой литературы и используемых источников	62

Введение

Хищение представляет собой одно из самых распространенных и социально опасных преступных деяний в структуре преступности Российской Федерации. Согласно официальной статистике МВД России, в структуре преступности хищения стабильно занимают лидирующие позиции, составляя более половины всех регистрируемых преступлений. Такая высокая распространенность обуславливает необходимость детального изучения понятия хищения, его форм и видов, а также разработки эффективных мер противодействия данному виду преступлений.

Несмотря на законодательное закрепление общего понятия хищения в примечании 1 к статье 158 Уголовного кодекса РФ, правоприменительная практика сталкивается с многочисленными проблемами при квалификации данных деяний. Особую актуальность приобретают вопросы разграничения различных форм хищения между собой, а также отграничения хищения от иных преступлений против собственности и смежных составов.

В современных условиях развития информационных технологий и цифровой экономики появляются новые способы совершения хищений, которые требуют адекватного правового регулирования. Законодатель стремится своевременно реагировать на эти изменения, вводя новые составы преступлений (например, мошенничество в сфере компьютерной информации), однако многие теоретические и практические вопросы остаются дискуссионными.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость комплексного научного исследования общего понятия хищения в российском уголовном праве, его признаков, форм и видов, а также выявления проблем правоприменительной практики и разработки рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства в данной сфере.

Цель исследования – проведение комплексного теоретико-правового анализа общего понятия хищения в уголовном праве России, а также

формулировка предложений по оптимизации норм уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за хищение.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- анализ юридической дефиниции хищения и его характерных признаков;
- проанализировать основные формы и виды хищения;
- историко-правовое исследование становления норм, устанавливающих ответственность за хищение;
- охарактеризовать объективные признаки хищения;
- определить особенности субъективных признаков хищения;
- выявить проблемные вопросы квалификации хищений в российском уголовном праве;
- разработка мер по совершенствованию уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за хищение.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-правовой защиты права собственности от преступных посягательств, выражающихся в хищении.

Предмет исследования – уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за хищение, научное толкование его сущности, а также правоприменительная практика судов по соответствующим уголовным делам.

Теоретическая база исследования включает в себя учебники, научные статьи, раскрывающие проблематику уголовно-правовой характеристики хищений, в том числе труды таких исследователей, как А.И. Бойцов, Б.В. Волженкин, А.В. Архипов, О.П. Ершова, П.А. Кабанов, И.А. Клепицкий, Г.А. Кригер, Н.А. Селяков, В.В. Хилjuta, П.С. Яни и другие. В их научных трудах рассматриваются различные аспекты понятия хищения, его признаки, формы и виды, а также проблемы квалификации данных преступлений.

В нормативно-правовую базу включены: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской

Федерации об административных правонарушениях, Гражданский кодекс Российской Федерации, а также некоторые другие правовые акты, регулирующие отношения в сфере защиты права собственности. Важное место в нормативной основе занимают постановления Пленума Верховного Суда РФ, в частности, Постановление от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и Постановление от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

В ходе исследования применялись как общенаучные, так и специальные методы познания. К числу общенаучных методов относятся: системный подход, синтез, индукция и дедукция. Среди специальных методов были использованы: формально-юридический, историко-правовой метод, сравнительно-правовой и метод толкования правовых норм.

Научно-практическая ценность исследования состоит в возможности использования сформулированных в работе теоретических положений, выводов и рекомендаций в законотворческой деятельности при совершенствовании норм уголовного законодательства об ответственности за хищения, в правоприменительной практике при квалификации данных преступлений.

Структура состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика хищения

1.1 Определение понятия хищения

Конституция Российской Федерации [19], являясь актом высшей юридической силы, закладывает фундаментальные основы защиты права собственности. Статья 8 закрепляет принцип равной защиты всех форм собственности, что имеет принципиальное значение для квалификации хищений независимо от формы собственности похищенного имущества. Статья 35 Конституции РФ раскрывает содержание права собственности через традиционную триаду правомочий (владение, пользование, распоряжение) и устанавливает гарантии его защиты. Внимание стоит уделить части 3 статьи 35, из которой следует, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда – данное положение подчеркивает противоправный характер любого несанкционированного изъятия имущества.

Понятие хищения и его формы законодательно закреплены в Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ).

В примечании 1 к статье 158 УК РФ законодатель закрепляет базовое определение хищения как совершенного с корыстной целью противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества [42].

Через это определение можно выделить основные признаки хищения, которые позволяют отграничивать его от других общественно опасных деяний, посягающих на собственность, и дают основу для его уголовно-правовой оценки. К ним относятся: противоправность, корыстная цель, безвозмездность, изъятие или обращение имущества и причинение ущерба.

Противоправность означает, что действия виновного нарушают нормы законодательства, что приводит к ущемлению законных прав собственника. Виновный лишает его имущества, действуя вопреки установленным нормам

права. Этот признак отражает общественную опасность деяния и является одним из ключевых критериев его квалификации.

Корыстная цель является обязательным признаком субъективной стороны. Именно наличие корыстного умысла отличает хищение от других преступлений против собственности.

Безвозмездность изъятия и (или) обращения имущества является важным признаком, отражающим экономическую сущность хищения. Лицо, совершившее данное преступление, не компенсирует собственнику стоимость похищенного, что подчеркивает незаконный характер деяния.

Изъятие или обращение имущества составляют объективную сторону хищения. Изъятие предполагает физическое лишение собственника возможности владеть или пользоваться имуществом, тогда как обращение означает установление над ним контроля со стороны виновного или третьих лиц.

Причинение ущерба является обязательным последствием хищения. Ущерб может быть выражен в утрате имущества, снижении его стоимости или иных материальных потерях.

Общее понятие хищения в российском уголовном праве привлекает внимание многих исследователей, поскольку оно служит базовым элементом при квалификации различных составов преступлений против собственности.

Л.И. Насыбуллин и П.П. Пирогов определяют хищение как противоправное изъятие или обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, сопровождающееся причинением ущерба собственнику. Ученые подчеркивают обязательность наличия таких признаков, как корыстная цель, противоправность и безвозмездность действий виновного, а также отсутствие законных оснований для владения имуществом [24, с. 16]. Позиция исследователей вполне логична, однако вызывает дискуссию утверждение о равнозначности изъятия и обращения имущества, поскольку эти элементы представляют разные аспекты преступного поведения.

Т.О. Вилитенко обращает внимание на возможность обогащения не только самого виновного, но и других лиц. Исследователь подчеркивает, что корыстная цель остается обязательным элементом состава преступления, даже если выгода от совершенного деяния достается третьим лицам [7, с. 35]. Этот взгляд расширяет понимание корысти, делая акцент на ее многоаспектности.

Е. Медведева акцентирует внимание на необходимости наличия материального ущерба для потерпевшего. Исследователь отмечает, что только наличие фактического ущерба позволяет квалифицировать действия как хищение. Кроме того, исследователь подчеркивает значимость однозначного толкования понятий в целях унификации правоприменительной практики [23, с. 212].

Также и А.В. Архипов акцентирует внимание на ущербе как признаке хищения. Он подчеркивает, что при определении малозначительности деяния необходимо учитывать не только материальную составляющую ущерба, но и субъективное восприятие его потерпевшим [4, с. 9].

Развивая тему, В.Н. Винокуров отмечает, что общественная опасность хищения напрямую связана со способом его совершения. Исследователь считает, что нечеткость формулировок закона способствует ошибкам в правоприменении [8, с. 11]. Этот тезис подчеркивает значимость точности в законодательных определениях.

Ю.А. Власов сосредоточен на определении момента окончания хищения. По его мнению, этот критерий является ключевым для квалификации преступления, так как завершение хищения связано с моментом, когда виновный получает возможность распоряжаться похищенным [10, с. 53]. Позиция исследователя устраняет неопределенность в определении состава преступления.

И.А. Клепицкий справедливо замечает, что «юридическую технику легального понятия хищения в уголовном законе трудно назвать удовлетворительной. Понятие хищения не закрепляет всех существенных признаков, необходимых для всех форм хищения. Статьи,

предусматривающие наказание за хищения в конкретных формах, также не описывают всех существенных признаков хищений в соответствующих формах, что обуславливает широкую сферу правовой неопределенности, порождает необоснованное расширительное толкование закона и даже применение его по аналогии, прямо запрещенной законом. Все это подрывает безопасность (в том числе и бизнеса) в части гарантий от необоснованного, а иногда и трудно предсказуемого уголовного преследования и увеличивает коррупционные риски в правоохранительных органах. Для экономики такая ситуация губительна, для капитала необходима безопасность, иначе он уйдет из России в места более безопасные, и никакие мероприятия валютного регулирования и контроля не заставят его принудительно остаться в России» [17, с. 31].

Особенно ценным в подходе И.А. Клепицкого является выход за рамки чисто юридического анализа к практическим последствиям такой неопределенности: риску расширительного толкования закона, возможности применения его по аналогии (прямо запрещенной УК РФ), повышению коррупционных рисков и негативному влиянию на экономическую безопасность и инвестиционный климат страны. И.А. Клепицкий справедливо отмечает системный характер проблемы, заключающийся не только в недостатках общего определения, но и в отсутствии полного описания существенных признаков в статьях о конкретных формах хищения. Позиция И.А. Клепицкого представляется достаточно фундаментальной, поскольку рассматривает недостатки законодательной техники как фактор, влияющий не только на правоприменительную практику, но и на экономическую стабильность государства, что указывает на необходимость комплексного пересмотра подхода к законодательной регламентации ответственности за хищения.

Анализ научных позиций о понятии хищения показывает, что действующее легальное определение, несмотря на выделение основных признаков (противоправность, корыстная цель, безвозмездность, изъятие или

обращение имущества, причинение ущерба), требует существенного совершенствования. Законодательство должно учитывать разнообразие форм хищений, их общественную опасность, а также субъективные и объективные признаки, влияющие на квалификацию. Только путем интеграции научных и практических подходов возможно достичь баланса между точностью правоприменения и справедливостью уголовной ответственности.

1.2 Виды и формы хищения

В Уголовном кодексе Российской Федерации закреплены такие формы хищения, как кража, мошенничество, грабеж, разбой, присвоение или растрата. Все эти формы имеют общую цель – противоправное завладение чужим имуществом, однако различаются по характеру действий виновного, используемым способам и последствиям для потерпевшего.

Рассмотрим более детально формы хищения, которые раскрыты в Уголовном кодексе РФ [42].

Кража (статья 158 УК РФ) представляет собой тайное хищение чужого имущества. Объективная сторона характеризуется тайным способом изъятия имущества, когда виновный полагает, что действует незаметно для окружающих. Квалифицирующими признаками выступают: совершение группой лиц по предварительному сговору; с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище; с причинением значительного ущерба гражданину; из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем. Особо квалифицирующими признаками являются: совершение организованной группой; в крупном размере; в особо крупном размере.

Мошенничество является видом хищения, который характеризуется завладением имуществом или приобретением права на него путем обмана или злоупотребления доверием (статья 159 УК РФ). Обман может проявляться как в намеренной передаче ложных сведений, так и в умолчании о фактах, имеющих значение для потерпевшего. Важным признаком мошенничества

является добровольная передача имущества потерпевшим, введенным в заблуждение относительно намерений виновного. Законодатель выделяет специальные составы мошенничества: в сфере кредитования (ст. 159.1), при получении выплат (ст. 159.2), с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3), в сфере страхования (ст. 159.5), в сфере компьютерной информации (ст. 159.6). Каждый из специальных составов имеет особенности объективной стороны и специфику субъекта преступления.

Присвоение и растрата регулируются статьей 160 УК РФ и связаны с хищением имущества, вверенного виновному на законных основаниях. Присвоение подразумевает незаконное обращение имущества в свою пользу, а растрата – его использование или передачу третьим лицам. Квалифицирующие признаки аналогичны краже, но добавляется совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения.

Грабеж (статья 161 УК РФ) представляет собой «открытое хищение чужого имущества» [42]. Объективная сторона характеризуется открытым способом изъятия имущества, то есть, когда преступник осознает, что действует в присутствии потерпевшего или иных лиц. Особым квалифицирующим признаком выступает применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия.

Наиболее опасной формой хищения является разбой (статья 162 УК РФ) и определяется как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Преступление считается оконченным с момента нападения, независимо от того, удалось виновному завладеть имуществом или нет. Квалифицирующими признаками выступают: совершение группой лиц по предварительному сговору; с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; с проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище.

Виды и формы хищения, закрепленные в Уголовном кодексе Российской Федерации, различаются по объективным и субъективным признакам. Их

классификация позволяет учитывать специфику каждого преступления при их квалификации и назначении справедливого наказания.

Пленум Верховного Суда РФ своими постановлениями существенно способствует выработке единого подхода к рассмотрению дел о хищениях.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [31] закрепляет принципиальные подходы относительно квалификации различных форм хищения.

Прежде всего, Постановление дает базовое определение хищения как противоправного безвозмездного изъятия и/или обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, совершенного с корыстной целью и причинившего ущерб собственнику или владельцу этого имущества. Данное определение представляется ключевым для квалификации всех форм хищения.

Приоритетное значение придается разграничению тайного и открытого способов хищения. «Кража признается тайной, если имущество изымается в отсутствие собственника/владельца или посторонних лиц, либо незаметно для них. При этом важен субъективный критерий - если виновный полагал, что действует тайно, хотя его действия замечены другими лицами, деяние все равно квалифицируется как кража. Грабеж же характеризуется открытым способом изъятия имущества в присутствии потерпевшего или посторонних лиц, когда виновный осознает, что его действия очевидны для окружающих» [31].

Постановление детально разъясняет момент окончания различных форм хищения. «Кража и грабеж считаются оконченными с момента, когда виновный получил реальную возможность распоряжаться похищенным имуществом по своему усмотрению. Разбой признается оконченным с момента нападения, независимо от того, удалось ли преступнику фактически завладеть имуществом» [31].

Отдельного внимания заслуживает разъяснение признаков грабежа с применением насилия и разбоя. При грабеже применяется насилие, не опасное для жизни или здоровья (побои, ограничение свободы), в то время как разбоем присуще применение опасного насилия, которое может повлечь причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Важно отметить, разбой считается оконченным даже с момента угрозы такого насилия, несмотря на то, был ли доведен умысел на хищение до конца.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [32] имеет фундаментальное значение для правоприменительной практики в сфере квалификации мошенничества, присвоения и растраты.

Документ детально разъясняет содержание способов мошенничества, подчеркивая, что обман может касаться любых обстоятельств - как существующих в настоящем, так и относящихся к будущим событиям или действиям. При этом особое внимание уделяется тому, что «обман может выражаться как в активных действиях (сообщение ложных сведений), так и в умолчании об истинных фактах. Обман может касаться любых обстоятельств – личности виновного, его полномочий, качества и стоимости имущества, событий как настоящих, так и будущих. Злоупотребление доверием трактуется как использование доверительных отношений с владельцем имущества в корыстных целях» [32].

Значительное внимание уделено квалификации мошенничества в предпринимательской сфере. Подробно разъясняются условия применения частей 5-7 статьи 159 УК РФ, регламентирующих ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств. Установлены четкие критерии отграничения этих составов от общего состава мошенничества.

Особую значимость приобретают разъяснения Пленума относительно квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации и использования электронных средств платежа. Постановление четко

определяет критерии разграничения между различными составами преступлений в данной сфере, что особенно важно в условиях постоянного развития информационных технологий и появления новых способов совершения хищений с использованием цифровых технологий.

Существенное внимание в Постановлении уделяется вопросам квалификации различных видов специального мошенничества, появление которых обусловлено развитием современных экономических отношений. В частности, подробно разъясняются особенности мошенничества в сфере кредитования, страхования, компьютерной информации. Важно отметить, что документ проводит четкое разграничение между общим составом мошенничества и его специальными видами, что имеет принципиальное значение для правильной квалификации деяний.

Отдельный блок разъяснений посвящен присвоению и растрате. Пленум детально характеризует особенности субъекта данных преступлений, подчеркивая, что им может быть только лицо, которому имущество было вверено на законных основаниях. Дается четкое разграничение между присвоением (удержание чужого имущества) и растратой (отчуждение или потребление вверенного имущества).

Отдельно в Постановлении раскрыты особенности квалификации мошенничества, присвоения и растраты, которые совершены с использованием служебного положения. Верховный Суд разъясняет, что под лицами, использующими свое служебное положение, следует понимать не только должностных лиц, но и государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях.

Важно подчеркнуть практическую значимость данного Постановления для судебной системы - документ не только дает толкование правовых норм, но и содержит конкретные рекомендации по разрешению сложных вопросов квалификации, что способствует формированию единообразной судебной практики по делам о мошенничестве, присвоении и растрате.

Рассматривая различные формы хищения, О.П. Ершова делает акцент на разнообразии способов их совершения, что имеет определяющее значение для квалификации. Исследователь отмечает, что различие между мошенничеством, грабежом и другими формами хищения зачастую становится причиной правоприменительных ошибок [13, с. 39]. В данной позиции подчеркивается необходимость четкого разграничения составов преступлений.

Виды хищений различаются в зависимости от стоимости похищенного имущества, что влияет на квалификацию преступления. Закон выделяет мелкие, простые, крупные и особо крупные хищения. КоАП РФ [18] устанавливает административную ответственность за мелкие хищения, такие как кража, мошенничество или растрата, исходя из стоимости похищенного, что помогает разграничить административное правонарушение и уголовное преступление. Ответственность за мелкие хищения варьируется в зависимости от суммы похищенного: до 1000 рублей, от 1000 до 2500 рублей и более 2500 рублей. Повторное совершение мелкого хищения после привлечения к административной ответственности влечет уголовную ответственность.

Хищение свыше 2500 рублей квалифицируется как «простое» хищение. К крупным хищениям относятся те, которые превышают 250000 рублей, а особо крупные — более 1000000 рублей. Также существует категория хищений, наносящих значительный ущерб гражданину, если стоимость похищенного превышает 5000 рублей.

Уголовная ответственность зависит от категории преступления. Кражи относятся к преступлениям небольшой или средней тяжести, с возможностью альтернативных наказаний, таких как штрафы и обязательные работы. В случае впервые совершенного преступления с возмещением ущерба возможно освобождение от ответственности. Преступления, такие как грабёж и разбой, совершённые с применением насилия или угрозой его использования, влекут более суровые санкции, включая лишение свободы сроком до восьми лет. За

особо крупные хищения и разбой в особо крупном размере могут назначить до 10 лет лишения свободы.

В научной литературе существуют и другие подходы к классификации хищений.

Так, например, Н.А. Селяков и С.Д. Рогов выделяют две основные группы хищений: тайные и открытые, особо подчеркивая переходные формы, такие как ненасильственный грабеж. Исследователи считают, что такая классификация позволяет уточнить квалификацию преступлений и исключить правовые неопределенности [38, с. 110]; [38]. Однако их предложение о включении вымогательства в категорию открытых хищений вызывает сомнения, так как вымогательство связано с применением угрозы, а не с непосредственным завладением.

А.И. Бойцов предлагает классификацию хищений по объекту посягательства. Исследователь отмечает, что различная строгость наказаний за хищения в зависимости от предмета посягательства обусловлена двумя факторами: материальной оценкой имущества и степенью общественной опасности деяния, связанной с возможностью использования похищенного для причинения вреда дополнительным объектам уголовно-правовой охраны [6, с. 247].

Следует также отметить, что Гражданский кодекс Российской Федерации [12] формирует понятийный аппарат, необходимый для правильного понимания объекта хищения. Статья 128 ГК РФ определяет виды объектов гражданских прав, статья 209 раскрывает содержание права собственности. Принципиальное значение имеют положения о формах и видах собственности (статьи 212-215), основаниях приобретения и прекращения права собственности (главы 14, 15), защите права собственности (глава 20).

Представленные классификации хищений дополняют традиционное деление по формам и видам, закрепленное в уголовном законодательстве, и позволяют более глубоко понять сущность данных преступных посягательств,

их детерминанты и разработать эффективные меры предупреждения и пресечения.

Правильное разграничение видов и форм хищения играет важнейшую роль в обеспечении законности и правопорядка в сфере уголовного права.

1.3 Исторический аспект развития уголовной ответственности за хищение

Исследование исторических этапов становления уголовно-правовых норм о хищении позволяет проследить эволюцию правовых представлений о собственности как одном из фундаментальных институтов любого общества. На протяжении веков государство стремилось обеспечить надлежащую защиту имущественных прав своих граждан, применяя различные правовые механизмы противодействия посягательствам на собственность. Прослеживая развитие правовых норм об ответственности за хищение, можно выявить закономерности, характеризующие отношение государства к защите различных форм собственности на разных этапах исторического развития.

Первые упоминания о посягательствах на чужое имущество и ответственности за них содержатся в древнейшем памятнике русского права – «Русской Правде». В этом документе еще не используется понятие «хищение», однако применяются термины «воровство», «крадет», «украдет» [29, с. 56].

И.А. Клепицкий также объективно подмечает, что «древнейшее преступление – это не хищение, а воровство-кража, тайное изъятие чужого имущества из владения его хозяина с целью его присвоения для себя или другого лица» [17, с. 23].

В своей работе А.И. Рарог отмечает, что «в древнерусском праве не существовало единого понятия, охватывающего все формы незаконного завладения чужим имуществом, каждая из которых рассматривалась как самостоятельное преступление» [37, с. 158]. В «Русской Правде» выделялись различные формы имущественных преступлений: «татьба» (кража), разбой и

грабёж, причем наиболее подробно регламентировалась ответственность за кражу. По мнению Н. Ланге, это объясняется тем, что «татьба считалась наиболее опасным и распространенным преступлением в древнерусском обществе, требовавшим четкой регламентации мер ответственности» [21, с. 72].

Дальнейшее развитие уголовной ответственности за посягательства на чужое имущество нашло отражение в Псковской судной грамоте 1467 г. Как отмечает М.Ф. Владимирский-Буданов, «Псковская судная грамота впервые в истории русского права проводит разграничение грабежа и разбоя по признаку наличия или отсутствия опасности для жизни и здоровья потерпевшего. В Псковской судной грамоте разбой определялся как нападение на потерпевшего с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, а грабёж – как открытое завладение чужим имуществом без применения такого насилия» [9, с. 179]. Б.В. Волженкин подчеркивает, что «это разграничение имело принципиальное значение для дальнейшего развития уголовно-правовых норм об ответственности за имущественные преступления» [11, с. 115].

Соборное Уложение 1649 г. представляет собой важный этап в развитии уголовного законодательства об ответственности за хищения. В главе XXI «О розбойных и о тётинных делах» впервые в истории отечественного права устанавливается дифференцированная ответственность в зависимости от объекта посягательства – государственной, церковной или боярской собственности [30]. В.Д. Ярыш указывает на то, что «Уложение 1649 г. закрепило более строгую ответственность за посягательства на государственную и церковную собственность, что отражало особенности сословно-представительной монархии как формы государственного правления» [50, с. 138]. Соборное Уложение 1649 года регламентировало наказания за специфические виды краж: лошадей, церковного имущества и полевого урожая. Знаковым нововведением стало появление в статье 11 мошенничества как отдельного состава преступления.

«Следующий значительный шаг в развитии законодательства об уголовной ответственности за хищения был сделан с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Этот нормативный акт максимально полно и подробно описал виды хищений и способы их совершения, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие уголовную ответственность» [39, с. 5]. В Уложении 1845 г. термин «воровство» практически не употреблялся, а каждый вид хищения был закреплён в отдельном разделе соответствующей главы. Н.С. Таганцев подчёркивает, что «Уложение 1845 г. ознаменовало переход от казуистического к систематическому изложению норм об ответственности за имущественные преступления» [40, с. 321].

«Особое внимание в Уложении 1845 г. уделялось составу разбоя, который характеризовался наличием таких обязательных признаков, как «нападение» и «причинение вреда, опасного для жизни и здоровья». Обязательным признаком основного состава разбоя являлась вооружённость» [40, с. 321]. Указанный признак проводил грань между данным деянием и грабежом, акцентируя его более высокую степень общественной угрозы. Если при грабеже улица, проезжая дорога или ночное время рассматривались как квалифицирующие признаки, то при разбое они изначально учитывались как элементы основного состава.

В Уложении 1845 г. кража чужого имущества характеризовалась как тайное похищение, что сближает её с современным пониманием данного преступления. Предусматривался такой способ совершения кражи, как «путем взлома», используемый в ряде статей в качестве квалифицированного состава. [43, с. 183]. И.Я. Фойницкий отмечает, что «законодатель стремился учесть все возможные способы совершения кражи, что свидетельствует о казуистическом подходе к построению уголовно-правовых норм» [43, с. 183]. К квалифицированным видам кражи относились: ночное хищение, кража церковного имущества, присвоение вверенного на хранение, похищение вещей покойного, а также кража лошадей и рабочего скота.

Уложение 1845 г. содержало норму о мошенничестве, понимая под ним незаконное присвоение чужого имущества обманным путем. По мнению Н.С. Таганцева, «понятие обмана в Уложении 1845 г. не раскрывалось, что создавало определенные трудности при квалификации деяний как мошенничества» [40, с. 330]. Несмотря на то, что присвоение, растрата и присвоение найденного имущества не считались формами хищения и регулировались отдельной главой закона, размер ответственности определялся по нормам о краже и мошенничестве, о чем прямо говорилось в тексте статей. А.А. Жижиленко отмечает, что «законодатель того времени явно не был против объединения присвоений с хищениями в одной главе, что подтверждается отсылочным характером санкций» [15, с. 158].

Новым этапом в развитии уголовно-правовых норм о хищениях стало Уголовное уложение 1903 года, которое отказалось от терминов "кража" и "грабеж", объединив эти формы преступного деяния в единый состав - воровство, совершаемое как тайно, так и открыто. Уголовное уложение 1903 г. предусматривало особый состав воровства, совершенного несколькими лицами или шайкой, а также дифференцировало ответственность за воровство конкретного имущества: из могилы, вооружения, коня.

Кардинальные изменения в уголовно-правовой охране собственности произошли после революции 1917 года.

И.А. Клепицкий замечает, что «слово «хищение» появляется в российском законодательстве в Декрете ВЦИК и СНК от 1 июня 1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям». В УК РСФСР 1922 г. оно используется в п. «з» ст. 180, посвященной краже, который предусматривал суровое наказание вплоть до смертной казни за «хищение из государственных складов, вагонов, судов и других хранилищ, производившееся систематически или совершенное ответственными должностными лицами, или в особо крупных размерах похищенного». Понятие хищения при этом в законе не раскрывалось, но ясно было, что оно охватывало не только похищения чужого

имущества (воровство), но и присвоения и растраты, совершенные ответственными должностными лицами, т.е. выходило за рамки воровства» [17, с. 28]. Как подчеркивает Г.А. Кригер, «впервые в истории становления отечественного уголовного законодательства составы присвоения и растраты были закреплены в одной главе с имущественными преступлениями, хотя пока и без указания на признак хищения или похищения» [20, с. 100]. Однако в диспозиции был указан обязательный признак присвоения – «с корыстной целью», что, по мнению исследователя, практически аналогично признаку «хищение». Деление происходило по субъекту их совершившему: ст. 185 предусматривала в качестве субъекта «частное лицо», а ст. 186 – «должностное».

«Состав мошенничества в УК РСФСР 1922 г. также претерпел определенные изменения. Главным достоинством новой формулировки состава мошенничества явилось указание в диспозиции статьи не только на такой уже известный способ его совершения как обман, но и на злоупотребление доверием» [20, с. 100].

В вопросах регулирования ответственности за имущественные преступления Уголовный кодекс РСФСР 1926 года практически не внёс изменений по сравнению с первым советским уголовным законом. Необходимо учитывать, что уголовное законодательство того времени формировалось совокупностью норм Уголовного кодекса и положений других нормативно-правовых актов. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» уже описывал виды хищений имущества без добавления анахроничного термина «воровство».

УК РСФСР 1960 года устанавливал приоритет защиты государственной собственности, выделяя соответствующие нормы в специальные разделы, что формировало дифференцированный подход по сравнению с охраной личного имущества. При этом законодательство того периода ещё не содержало официальных дефиниций терминов "хищение" и "похищение". Существенная

конкретизация данных понятий была закреплена в Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества», которое не только раскрывало признаки квалифицированных составов хищений, но и описывало момент окончания хищения, а также признаки единого продолжаемого хищения.

1994 год ознаменовал собой важный рубеж в развитии законодательства об уголовной ответственности за имущественные преступления. «В 1994 году, в результате редакции Уголовного кодекса 1960 года, упразднившей главу 2, понятие «хищение» стало распространяться и на имущество граждан» [47, с. 132].

В примечании к ст. 144 УК РСФСР впервые раскрывалось понятие «хищение». Как подчеркивает Б.В. Волженкин, «такая законодательная конструкция существует и в ныне действующем уголовном законодательстве, что свидетельствует о ее жизнеспособности и соответствии современным реалиям» [11, с. 122].

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, принятый в 1996 году, объединил основные составы хищений чужого имущества в главе «Преступления против собственности». А.И. Бойцов отмечает, что «законодатель справедливо исходил из единства природы хищений независимо от формы собственности, на которую осуществляется посягательство» [6, с. 256]. В УК РФ сформулировано общее понятие хищения, под которым понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Со времени принятия действующего УК РФ нормы об ответственности за хищения претерпели ряд изменений. Так, Федеральным законом № 162 от 08.12.2003 г. из ст. 158 УК РФ был исключен такой квалифицирующий признак как неоднократность. На протяжении всего периода действия УК РФ

1996 г. нормы об ответственности за хищения совершенствовались с учетом изменяющихся социально-экономических условий и появления новых способов совершения преступлений.

Проведя анализ исторического аспекта развития уголовной ответственности за хищение в отечественном законодательстве, становится понятно, правовые представления о защите собственности прошли сложный и противоречивый путь формирования. На протяжении веков законодатель стремился найти оптимальные формы правового регулирования ответственности за посягательства на чужое имущество, учитывая особенности социально-экономического и политического развития общества. Современное понимание хищения как противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, совершенных с корыстной целью и причинивших ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества, является результатом длительного правового развития и обобщения практического опыта борьбы с имущественными преступлениями.

Проведенное исследование исторических аспектов становления уголовной ответственности за хищение позволяет сделать вывод о том, что эффективность правовой защиты собственности зависит от точности законодательного определения понятия хищения, четкого разграничения его форм и установления справедливой ответственности с учетом характера и степени общественной опасности деяния. Современное уголовное законодательство об ответственности за хищения должно учитывать как исторический опыт правового регулирования в данной сфере, так и новые вызовы, связанные с развитием информационного общества и цифровой экономики. Только такой подход обеспечит эффективную защиту права собственности как одного из фундаментальных прав человека и гражданина.

Представим выводы по первой главе исследования.

Анализ понятия хищения, закреплённого в примечании 1 к статье 158 УК РФ, позволяет выделить его основные признаки: противоправность,

корыстную цель, безвозмездность, изъятие или обращение чужого имущества и причинение ущерба собственнику или иному владельцу. Противоправность указывает на нарушение законных прав собственника, корыстная цель характеризует стремление к незаконному обогащению, безвозмездность отражает экономическую сущность хищения, а изъятие или обращение имущества составляют объективную сторону преступления. Несмотря на наличие легального определения хищения, в научной литературе продолжают дискуссии о содержании отдельных признаков.

Уголовное законодательство России предусматривает различные формы хищения (кражу, мошенничество, грабёж, разбой, присвоение или растрату). Каждая форма имеет свои специфические признаки, влияющие на квалификацию и назначение наказания. Виды хищения классифицируются в зависимости от размера причинённого ущерба: мелкое хищение, «простое», в крупном и особо крупном размерах. Важную роль в формировании единообразной судебной практики играют постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющие сложные вопросы квалификации и разграничения различных форм хищения. В научной литературе предлагаются и альтернативные подходы к классификации хищений, например, деление на тайные и открытые или классификация по объекту посягательства. Историческое развитие уголовной ответственности за хищения в отечественном законодательстве прошло сложный путь от казуистичных норм «Русской Правды», использовавшей термины «воровство» и «татьба», до современной системной регламентации. В советский период произошло разделение защиты государственной и личной собственности, а объединение норм о защите всех форм собственности состоялось только в 1994 году. Действующий УК РФ 1996 года закрепил единое понятие хищения и объединил основные составы в главе «Преступления против собственности». Исторический анализ показывает, что эффективность правовой защиты собственности зависит от точности законодательного определения хищения.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика хищения

2.1 Объективные признаки хищения

Представим уголовно-правовую характеристику хищения. Д.Ю. Маркелов выделяет обязательность учета совокупности объективных и субъективных признаков для квалификации деяния и указывает на необходимость более четкой систематизации норм уголовного права [22, с. 95]. Действительно, анализ объективных признаков хищения позволяет правильно квалифицировать то или иное деяние, в том числе верно определить форму хищения.

Объективные признаки хищения включают в себя объект, предмет и объективную сторону преступления, характеризующие внешнее проявление данного деяния в реальной действительности.

Объект хищения в российском уголовном праве имеет сложную структуру. Родовым объектом выступают экономические отношения, видовым – отношения собственности, непосредственным – право собственности конкретного лица. Согласно ст. 209 ГК РФ, право собственности включает триаду правомочий: владение, пользование и распоряжение. При совершении хищения нарушаются все эти правомочия, поскольку собственник лишается возможности реализовывать свои права в отношении имущества.

Чужое имущество является предметом хищения и обладает тремя признаками: физическим, экономическим и юридическим.

Физический признак выражается в материальном, вещественном характере имущества. Экономический признак означает наличие у имущества определенной стоимости. Имущество должно представлять экономическую ценность, выражаться в денежном эквиваленте. Данный признак позволяет определить размер причиненного ущерба и, соответственно, квалифицировать деяние как мелкое хищение, подпадающее под административную

ответственность (ст. 7.27 КоАП РФ), либо как уголовно наказуемое хищение. Юридический признак предполагает, что имущество является чужим для виновного. В примечании 1 к ст. 158 УК РФ закреплено, что изъятие и (или) обращение конкретно чужого имущества признается хищением.

А.В. Архипов внес значительный вклад в понимание объективных признаков хищения, трактуя ущерб через призму экономических отношений, заключающийся в «уменьшении имущественной массы потерпевшего в результате исключения из нее похищаемого имущества и уменьшении за счет этого общей стоимости всего имущества в размере, соответствующем фактической стоимости похищенного имущества на момент совершения хищения» [4, с. 8]. Важным является его мнение о соотношении экономической и юридической составляющих ущерба. А.В. Архипов отвергает подход, предполагающий, что для признания ущерба необходимо не только фактическое лишение имущества, но и нарушение титула. Это исключило бы случаи хищения у незаконных владельцев, что поставило бы их имущественные интересы вне уголовно-правовой защиты. А.В. Архипов справедливо указывает, что «это могло бы самым пагубным образом сказаться на всей экономике, удельный вес теневого сектора в которой составляет почти треть» [4, с. 8].

Объективная сторона хищения включает в себя деяние в форме противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, последствие в виде причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества, а также причинную связь между деянием и последствием.

Деяние при хищении выражается в противоправном безвозмездном изъятии и (или) обращении чужого имущества в пользу виновного или других лиц.

Правовая сущность хищения раскрывается через содержание понятий «изъятие» и «обращение».

Сущность изъятия заключается в выведении имущества из владения собственника помимо его воли. Оно может быть как тайным (кража), так и открытым (грабеж), с применением насилия (разбой) или путем обмана (мошенничество).

Обращение представляет собой установление фактического контроля над имуществом с возможностью свободного распоряжения им.

Противоправность как признак деяния означает, что изъятие и обращение имущества осуществляются без законных оснований, в нарушение норм гражданского, административного и иных отраслей права. Виновный не имеет ни действительного, ни предполагаемого права на изымаемое имущество.

Безвозмездность означает, что собственник не получает равноценного возмещения. Хищение характеризуется тем, что преступник не передает потерпевшему равноценного возмещения ни в денежной, ни в натуральной форме, ни в виде услуг.

Особого внимания заслуживает вопрос о способах совершения хищения, которые определяют его конкретную форму. «В зависимости от способа совершения деяния хищения подразделяются на:

- тайное хищение (кража) – когда оно совершается в отсутствие собственника, иного владельца или посторонних лиц, либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них, либо если указанные лица видят, что совершается хищение, но виновный считает, что действует тайно;
- открытое хищение (грабеж) – когда оно совершается в присутствии собственника, иного владельца или посторонних лиц, и виновный осознает, что его действия замечены или очевидны для них;
- хищение, совершенное с применением насилия (разбой, насильственный грабеж) – когда для изъятия имущества применяется физическое или психическое насилие к потерпевшему;

- хищение путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество) – когда виновный использует обман или злоупотребляет доверием для завладения имуществом или приобретения права на него;
- хищение вверенного имущества (присвоение или растрата) – когда виновный противоправно обращает в свою пользу или пользу других лиц имущество, которое ему вверено» [4, с. 7].

«Обязательным признаком объективной стороны хищения является наступление последствия в виде причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества» [4, с. 7]. Ущерб при хищении имеет имущественный характер и выражается в уменьшении объема имущественных благ потерпевшего.

Размер ущерба имеет принципиальное значение для квалификации хищения. В зависимости от стоимости похищенного имущества хищение может квалифицироваться как мелкое (ст. 7.27 КоАП РФ), совершенное с причинением значительного ущерба гражданину (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ), в крупном размере (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ) или в особо крупном размере (п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ). Согласно примечаниям к статье 158 УК РФ, значительный ущерб гражданину определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее пяти тысяч рублей. Крупным размером признается стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным – один миллион рублей.

Заслуживает внимания подход А.В. Архипова к определению размера ущерба в случаях, когда виновный в процессе совершения хищения передает потерпевшему взамен похищенного свое имущество меньшей стоимости. Исследователь поддерживает практический подход, закрепленный в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, согласно которому «размер хищения должен быть определен исходя из стоимости похищенного имущества без учета стоимости представленного преступником имущества. Это позволяет рассматривать безвозмездность

изъятия и ущерб, причиненный в результате него, как два самостоятельных признака хищения» [4, с. 7].

Особую ценность представляет анализ ситуаций с определением размера ущерба от хищений, сопровождающихся обязательными отчислениями в пользу третьих лиц. «Речь идет о таких случаях, как хищение средств с банковского счета со списанием комиссионных отчислений в пользу банка; хищение средств, составляющих кредит, с обязательной оплатой за счет части этих средств договора страхования; хищение средств, незаконно выплаченных в качестве заработной платы, с перечислением в бюджет налога на доходы физических лиц» [4, с. 7]. А.В. Архипов утверждает, что «в таких случаях средства на оплату комиссий, страховок и даже налогов должны учитываться при определении размера причиненного хищением ущерба, поскольку понимание ущерба как прямого уменьшения имущественной массы потерпевшего предполагает включение в него стоимости всего выбывшего вопреки воле потерпевшего из имущественной массы имущества вне зависимости от того, у кого это выбывшее имущество в конечном итоге оказалось» [4, с. 6]. Отдельного внимания заслуживает позиция А.В. Архипова, согласно которой «ущерб при хищении исчерпывается только реальным уменьшением имущественной массы потерпевшего в результате изъятия похищаемого имущества и не включает в себя упущенную выгоду и другие возможные виды материального вреда, например, банкротство предприятия, сокращение числа его работников и т.п. Это имеет принципиальное значение для квалификации преступлений и определения размера ущерба при хищении» [4, с. 5]. Исследователь отмечает, что «размер ущерба при хищении всегда определяется в денежном выражении исходя из фактической стоимости похищенного имущества на момент его изъятия. При этом фактическая стоимость имущества отождествляется с ее средней рыночной стоимостью, в том числе и для случаев хищения товара из торговых учреждений, в которых он продается с наценкой» [4, с. 5]. «Между противоправным изъятием и (или) обращением чужого имущества и

причинением ущерба собственнику или иному владельцу должна существовать причинная связь. Это означает, что ущерб является непосредственным результатом действий виновного по изъятию и обращению имущества» [4, с. 5].

Вопрос о моменте окончания хищения имеет большое теоретическое и практическое значение. Согласно позиции Верховного Суда РФ, выраженной в п. 6 постановления Пленума от 27.12.2002 № 29, кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято, и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению. Исключением является разбой, который считается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, независимо от того, удалось ли виновному завладеть имуществом (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29).

Правильное определение момента окончания хищения представляет важное значение для квалификации деяния как оконченного преступления или покушения, а также для исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Таким образом, объективные признаки хищения представляют собой сложную систему элементов, включающую объект, предмет и объективную сторону преступления. Размер причиненного ущерба является определяющим фактором для квалификации хищения и может выступать в качестве квалифицирующего признака, существенно влияющего на степень уголовной ответственности.

2.2 Субъективные признаки хищения

«Субъективная сторона хищения характеризуется обязательным наличием двух признаков: прямого умысла и корыстной цели. Данное

положение является фундаментальным в уголовно-правовой науке и отражено в правоприменительной практике.

Умысел при хищении может быть только прямым, что обусловлено целенаправленным характером данного преступного посягательства. Субъект осознает общественную опасность своих действий, направленных на противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества, предвидит причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества и желает его наступления. Виновный не может безразлично относиться к возможности причинения такого ущерба, поскольку само стремление к незаконному обогащению неразрывно связано с причинением вреда собственнику» [45, с. 100].

Как подчеркивает В.В. Хилюта, «при косвенном умысле результат не нужен виновному ни в качестве конечной цели, ни в качестве средства достижения какой-либо иной цели. Поэтому хищение всегда совершается с прямым специальным умыслом и никогда не может быть совершено с косвенным неопределенным умыслом» [45, с. 100].

Установление содержания и направленности умысла имеет ключевое значение для правильной квалификации хищения. Как указывает Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», «в тех случаях, когда незаконное изъятие имущества совершено при хулиганстве, изнасиловании или других преступных действиях, необходимо устанавливать, с какой целью лицо изъяло это имущество. Если лицо преследовало корыстную цель, содеянное им в зависимости от способа завладения имуществом должно квалифицироваться по совокупности как соответствующее преступление против собственности и хулиганство, изнасилование или иное преступление» [31].

Важным аспектом является проблема установления субъективного отношения виновного к квалифицирующим признакам хищения. Так, в соответствии с принципом вины при вменении такого квалифицирующего

признака как «причинение значительного ущерба гражданину» (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ) необходимо установить, что умысел виновного был направлен именно на причинение такого ущерба.

Корыстная цель является обязательным признаком субъективной стороны хищения. Данный признак закреплён в примечании 1 к ст. 158 УК РФ и имеет принципиальное значение для разграничения хищения от иных посягательств на чужое имущество, не имеющих корыстного характера.

До 2017 года в судебной практике существовало «узкое» понимание корыстной цели, которое предполагало стремление виновного к личному обогащению либо обогащению близких ему лиц. Однако 30 ноября 2017 года было принято постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором предложено более широкое толкование данного признака.

Согласно п. 26 данного постановления, «при решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества, присвоения или растраты суды должны иметь в виду, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен» [32].

П.С. Яни, анализируя данный подход, отмечает: «Корысть в практике судебных органов означает желание получить не столько личную выгоду, сколько возможность распорядиться имуществом как своим собственным. Стало быть, корыстная цель вовсе не предполагает – как ни странно – обязательное наличие корыстного мотива, то есть желания лица получить от похищенного выгоду лично, для своих близких либо соучастников преступления» [49, с. 73]. «Такое широкое понимание корыстной цели даёт основания для квалификации как хищения случаев, когда похищенное имущество передается в пользу юридических лиц или иных лиц, не являющихся близкими виновному или его соучастниками» [49, с. 73].

П.С. Яни замечает, что «в судебной практике сформировался подход, согласно которому хищение признается оконченным и в случаях, когда похищенные денежные средства зачисляются на счет юридического лица, подконтрольного виновному. Это подтверждается многочисленными судебными решениями. Например, Верховный Суд РФ признал мошенничеством ситуацию, когда было установлено, что денежные средства банков, которые в качестве кредитов в результате мошеннических действий организованной группы, по представляемым подложным документам, выделялись ЗАО «<...>», похищались путем перечисления их на расчетные счета подконтрольных участникам преступной группы фирм» [48, с. 23].

В рамках данного широкого подхода важное значение приобретает проблема разграничения хищения и злоупотребления полномочиями (ст. 285, ст. 201 УК РФ). Г. Есаков указывает, что измененная трактовка корыстной цели может повлиять на квалификацию ситуаций, когда должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции, перечисляет средства организации на счета третьих лиц, не получая личной выгоды [14, с. 50].

Однако П.С. Яни справедливо отмечает, что служебное злоупотребление принципиально отличается от хищения характером причиняемого ущерба: «При служебном злоупотреблении не причиняется путём изъятия чужого имущества характерный для хищения прямой действительный ущерб, потому и пере kvalificировать содеянное... с мошенничества на злоупотребление полномочиями было нельзя» [48, с. 25].

Важное практическое значение имеет вопрос о соотношении корыстной цели и корыстного мотива при совершении хищения. В теории уголовного права существуют различные подходы к решению этого вопроса.

Некоторые ученые, в частности М.И. Третьяк, считают, что «корыстная цель указанных преступлений определяется посредством корыстной мотивации, т.е. внутреннего побуждения лица безвозмездно удовлетворить свои материальные потребности за счёт другого путём неправомерного посягательства» [41, с. 61]. Вместе с тем существуют случаи совершения

хищения без характерного корыстного умысла в его традиционном понимании.

Например, известны случаи совершения разбойных нападений на банки лицами, стремившимися получить средства на лечение своих близких. В данных случаях, хотя основной побудительной причиной выступает желание выйти из тяжелой жизненной ситуации, сохраняется корыстная цель как мысленно представляемый результат преступления - незаконное обогащение.

«Особое значение для квалификации хищения имеет момент возникновения умысла на завладение чужим имуществом. Это имеет принципиальное значение для разграничения различных форм хищения, в частности, кражи и мошенничества. Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, если умысел на хищение чужого имущества возник у лица до получения чужого имущества, и для получения этого имущества использовался обман, содеянное следует квалифицировать как мошенничество. Если же умысел на хищение возник у лица после получения имущества, действия виновного образуют состав кражи» [46, с. 144].

Т.А. Хмелевская справедливо отмечает сложность установления момента возникновения умысла в конкретных ситуациях: «Но не ясно как следует квалифицировать содеянное, если виновный, совершив преступление в состоянии алкогольного опьянения, после задержания не сможет пояснить, в какой момент у него возник умысел на совершение хищения телефона. В подобных ситуациях судебная практика должна будет ориентироваться на оценку фактических обстоятельств совершенного преступления, но такой оценочный подход не способствует формированию единообразной судебной практики» [46, с. 144].

Также следует обратить внимание на ситуации, когда субъективная ошибка лица в оценке принадлежности имущества влияет на квалификацию деяния. Как отмечает В.В. Хилюта, «главным образом, базовый вопрос здесь возникает при определении того, является ли имущество чужим в случае, когда собственник не отказался от своего титула, но при этом сам утратил

господство над вещью и никому не вверил ее» [44, с. 83-84]. Если лицо заблуждалось относительно принадлежности имущества, полагая, что оно является бесхозным или брошенным, состав хищения отсутствует.

В заключение следует отметить, что правильное установление субъективных признаков хищения имеет ключевое значение для соблюдения принципа вины и обеспечения законности привлечения к уголовной ответственности. Как указал Конституционный Суд РФ, «закрепление в уголовном законе составов преступлений против собственности хотя и относится к дискреции законодателя, но должно осуществляться им с соблюдением принципов вины, равенства, справедливости и правовой определенности с тем, чтобы содержание уголовно-правовых запретов одинаково воспринималось в правоприменительной практике и было доступно для понимания участникам конкретных общественных отношений, а сами запреты служили эффективной защите права собственности» [26].

Точное установление прямого умысла и корыстной цели как обязательных субъективных признаков хищения позволяет обеспечить справедливое применение уголовного закона и дифференцированный подход к назначению наказания с учетом особенностей конкретного преступного посягательства.

Анализ субъективных признаков хищения, таким образом, позволяет сделать вывод о том, что психологическое содержание данного преступления характеризуется двумя обязательными элементами: прямым умыслом и корыстной целью. Прямой умысел при хищении выражается в осознании виновным общественной опасности своих действий, предвидении неизбежности причинения имущественного ущерба собственнику и желании этого результата. Корыстная цель, получившая в современной судебной практике расширительное толкование, заключается в стремлении обратить чужое имущество в свою пользу или распорядиться им как своим собственным, в том числе путем передачи третьим лицам. Точное определение этих субъективных признаков играет ключевую роль при квалификации

деяния в качестве хищения и его разграничении со смежными преступными деяниями.

Представим выводы по второй главе исследования.

Объективные признаки хищения включают объект, предмет и объективную сторону преступления, которые характеризуют внешнее проявление деяния. Родовой объект - экономические отношения, видовой - отношения собственности, а непосредственный объект - право собственности. Предметом хищения является чужое имущество, обладающее физическим, экономическим и юридическим признаками. Объективная сторона хищения заключается в противоправном изъятии и обращении чужого имущества в пользу виновного, что приводит к ущербу для собственника. Ущерб определяется стоимостью похищенного имущества, что важно для квалификации хищения, включая мелкие и крупные размеры. Различие форм хищения, таких как кража, грабеж, разбой и мошенничество, также зависит от способа совершения деяния.

Субъективная сторона хищения включает в себя прямой умысел и корыстную цель. Умысел при хищении всегда прямой, поскольку преступник осознает общественную опасность своих действий и желает наступления последствий в виде имущественного ущерба собственнику. Корыстная цель, согласно современной судебной практике, включает стремление изъять чужое имущество для личного обогащения или распоряжения им как своим собственным, включая передачу третьим лицам. Установление этих признаков важно для квалификации хищения и разграничения его от других преступлений, а также для правильного применения уголовного закона и назначения справедливого наказания.

Глава 3 Основные проблемы и направления совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за хищение

3.1 Проблемные вопросы квалификации хищений по российскому уголовному праву

Судебная практика по делам о хищениях представляет особый интерес для исследования, поскольку данная категория преступлений является одной из наиболее распространенных в российской правовой действительности. Несмотря на кажущуюся простоту квалификации хищений, правоприменительная практика сталкивается с множеством сложностей при определении конкретных составов преступлений и их разграничении между собой. Эти трудности обусловлены как развитием новых способов совершения преступлений, так и наличием в законодательстве смежных составов, требующих четкого разграничения на основе конкретных признаков. Рассмотрим основные проблемные вопросы квалификации хищений.

Первая фундаментальная проблема связана с расширением понятия предмета кражи и других форм хищения. Как отмечает И.А. Клепицкий, «предмет кражи (а также грабежа) претерпел серьезную трансформацию: это может быть и *res incorporales*, вещь бестелесная, долговые обязательства банка. Такое изменение произошло фактически явочным порядком, путем полицейского и судейского правотворчества, что наносит серьезный удар по правовой определенности» [17, с. 32]. Как справедливо замечает И.А. Клепицкий, «это расширительное толкование предмета хищения создает опасный прецедент и размывает границы уголовно-правовой нормы. Если суды согласились признавать предметом кражи безличностные денежные средства, то нет гарантий, что они не признают кражей прогулку по чужому земельному участку, кражу изображения, изобретения, идеи или вида из окна, невозврат долга и т.п.» [17, с. 32].

«Фактически, после включения в УК РФ в 2012 г. специальных норм о мошенничестве, суды начали квалифицировать компьютерные мошенничества как кражу, что было подтверждено постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. Последующие изменения законодательства в 2018 г. ситуацию полностью не исправили. Дополнение ч. 3 ст. 158 пунктом «г», предусматривающим ответственность за кражу безналичных денег, законодательно закрепило эту трансформацию предмета хищения» [17, с. 32]. Эта проблема наглядно проявляется в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 12-УДП20-5-К6 [28]. Верховный Суд указал, что «для ст. 159.3 УК РФ необходим способ в виде обмана или злоупотребления доверием [28].

«Ещё одна существенная проблема связана с квалификацией нарушений, связанных с использованием природных ресурсов. Классическая доктрина уголовного права четко различает кражу и незаконное природопользование» [17, с. 33]. Как отмечает И.А. Клепицкий, «нельзя украсть вещь, не нарушив владения ею, не извлекая ее из владения хозяина. Это невозможно в отношении вещи, не обособленной от природной среды, которой никто не владеет» [17, с. 33].

Проблема квалификации заготовки ветровальной древесины иллюстрирует эту неопределенность. Рослесхоз в своем Письме от 25 февраля 2016 г. № ЕК-07-54/1985 указал, что «присвоение находящейся на землях лесного фонда древесины ветровальных, буреломных деревьев без осуществления рубки указанных деревьев следует рассматривать как хищение» [28].

Попытка законодательного решения проблемы путем отнесения валежника к недревесным лесным ресурсам не привела к окончательному разрешению вопроса. В Постановлении Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730 указано «присвоение (хищение) древесины буреломных, ветровальных деревьев» как отдельный вид нарушения [33]. При этом четких

критериев отграничения валежника от ветровальной древесины не существует, что приводит к разрушению правовой определенности.

В результате практика складывается противоречиво: в некоторых случаях заготовка ветровальной древесины квалифицируется как незаконная рубка лесных насаждений на том основании, что при ее заготовке ствол отделяется от корней. Однако это решение выглядит искусственным, и единообразия в правоприменении достичь не удастся.

Ещё одним важным проблемным аспектом квалификации хищений является вопрос о малозначительности деяния. Как отмечают П.А. Кабанов и Д.А. Исмаилов, определение критериев малозначительности при хищениях представляет собой сложную теоретическую и практическую проблему. По мнению исследователей, малозначительность деяния при хищении следует оценивать как с объективной, так и с субъективной стороны. К объективным факторам относятся незначительный размер похищенного имущества или его незначительная стоимость, а также низкая степень общественной опасности. Субъективные факторы включают мотив деяния, цель деяния, деятельное раскаяние лица, его положительную характеристику и отсутствие судимостей [16, с. 251-252]. Исследователи замечают, что «основные проблемы, связанные с проблемой малозначительности хищения, состоят в следующем: субъективность оценки; моральное отношение к малозначительным преступлениям; повторяемость и негативные последствия» [16, с. 254].

При этом П.А. Кабанов и Д.А. Исмаилов указывают на проблему субъективности оценки критериев малозначительности, которая может варьироваться в судебной практике, что приводит к неоднозначному применению данного института при квалификации хищений. Примечательно, что в проанализированной судебной практике наблюдается противоречивый подход к оценке малозначительности деяния. Так, в одних случаях суды признают деяние малозначительным и освобождают лицо от уголовной ответственности, как, например, в Определении Верховного суда РФ по делу

№ 9-ДП08-11, где кража двух пар ножниц была признана малозначительной [25]. В других же случаях, даже при сравнительно небольшой стоимости похищенного (например, 2500 рублей в приговоре № 1-188/2020 [34]), суды квалифицируют деяние как уголовно наказуемое с учетом квалифицирующих признаков, таких как незаконное проникновение в жилище.

Ещё одним проблемным аспектом квалификации хищений в российском уголовном праве остаётся вопрос разграничения единичного преступления и множественности преступлений. Данную проблему затрагивают в своей статье А.Г. Безверхов, О.М. Иванова. Судебная практика демонстрирует неоднозначный подход к ситуациям, когда лицо совершает несколько эпизодов хищения, объединённых единым умыслом. Возникает дилемма: квалифицировать такие действия как продолжаемое преступление (то есть единичное) или как совокупность самостоятельных преступлений.

Ключевыми критериями разграничения выступают: тождественность совершаемых деяний, единство умысла и направленность на один объект посягательства. При продолжаемом хищении все эпизоды объединены заранее возникшим единым умыслом на завладение определённым имуществом или имуществом на конкретную сумму, что позволяет рассматривать их как единое целое. Напротив, если каждый эпизод совершался по самостоятельному умыслу, возникшему независимо от предыдущих, содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений. Как показывает анализ судебной практики, суды зачастую испытывают затруднения при установлении субъективной направленности действий виновного, что приводит к противоречивым решениям в схожих по фактическим обстоятельствам делах [5, с. 47].

Одной из наиболее острых проблем в судебной практике стала квалификация присвоения находки как кражи. Конституционный Суд РФ в Постановлении № 2-П от 12 января 2023 года фактически вернул российскую

правовую практику к устаревшим нормам, признав присвоение найденной вещи кражей.

Как отмечает И.А. Клепицкий, «такое решение отбросило развитие российской правовой культуры на три с лишним века назад, к Артикулам воинским 1715 г.» [17, с. 34-35]. При этом «присвоение найденного чужого имущества в действующем УК РФ декриминализировано» [17, с. 36]. Ключевым признаком хищения в форме кражи является «изъятие» имущества, что невозможно по отношению к уже утраченной владельцем вещи.

Исторический анализ показывает, что российское право на протяжении веков различало кражу и присвоение находки. Даже в Артикулах 1715 г. (арт. 195) присвоение находки кражей не называется, там лишь сказано «наказан быть яко за кражу». В Уложении о наказаниях 1845 г. присвоение находки влекло ответственность более мягкую, чем за кражу. В советском уголовном праве присвоение находки также наказывалось значительно мягче кражи, а в современном УК РФ вовсе было декриминализировано [17, с. 34].

«Конституционный Суд, вопреки этой традиции, фактически признал, что «изъятие» имущества из владения не является необходимым признаком кражи, достаточно «обращения» найденного имущества в свою пользу. Тем самым суд ориентировал правоприменителей на применение к присвоению находки нормы о краже по аналогии, что прямо запрещено ч. 2 ст. 3 УК РФ» [17, с. 35].

И.А. Клепицкий справедливо указывает на «проблему причинной связи: при присвоении находки имущество утрачивается владельцем до его присвоения, а не в результате действий нашедшего вещь. Если при присвоении находки и причиняется ущерб, то он выражен не в утрате имущества, а в утрате возможности это имущество вернуть» [17, с. 35].

Примером этого подхода является дело К.А. Коляденко, рассмотренное Забайкальским краевым судом в апелляционном порядке (Апелляционное постановление № 22-1178/2019 от 29 апреля 2019 года) [2]. Подсудимый нашёл телефон, оставленный несовершеннолетней возле школы, и не

предпринял никаких попыток вернуть его владельцу. Он отключил устройство, удалил данные и использовал его как личное. За эти действия К.А. Коляденко был признан виновным в краже (ч. 2 ст. 158 УК РФ) и приговорён к штрафу. Защита утверждала, что телефон был потерян, а его обнаружение следовало квалифицировать как находку, но суд посчитал, что осуждённый осознавал принадлежность вещи другому лицу и намеренно скрыл факт её обнаружения, что подтвердило его преступный умысел.

Таким образом, суды рассматривают как кражу ситуации, когда лицо, нашедшее имущество, осознаёт его принадлежность другому человеку, но вместо попыток возврата скрывает факт находки и использует вещь в личных целях. Если же человек принимает меры для возврата имущества или сообщает о находке, уголовная ответственность не наступает.

Судебная практика в вопросе разграничения кражи и присвоения находки остаётся противоречивой. В то время как традиционное понимание хищения требует фактического изъятия имущества, Конституционный Суд фактически пересматривает это понятие, создавая условия для уголовного преследования за простое присвоение найденных вещей. Такой подход не только усложняет правоприменение, но и вступает в конфликт с базовыми принципами уголовного права.

Отдельную сложность представляет квалификация деяний в случаях, когда преступление сопровождается незаконным проникновением в жилище. Вопрос в том, возник ли у лица умысел на кражу до или после попадания в помещение. Этот нюанс может существенно повлиять на окончательную квалификацию преступления и назначение наказания.

Рассмотрим пример из судебной практики – приговор Свердловского областного суда № 22-1925/2020 от 22 апреля 2020 года [35], который демонстрирует, как апелляционная инстанция скорректировала квалификацию преступления с учётом разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 года.

В данном деле апелляционная коллегия Свердловского областного суда пересматривала приговор Карпинского городского суда, который первоначально квалифицировал действия осужденного ФИО1 по ч. 1 ст. 139 и ч. 1 ст. 158 УК РФ (незаконное проникновение в жилище и кража). Апелляционный суд признал, что суд первой инстанции не учел важные обстоятельства и неправильно квалифицировал действия осужденного.

Суть дела заключалась в том, что ФИО1 в состоянии алкогольного опьянения проник в жилище, воспользовавшись тем, что дверь была не заперта, и похитил имущество потерпевшего: холодильник, обогреватель, металлические предметы и дверцы печи. Изначально осужденный утверждал, что проник в дом в поисках потерянного телефона. Однако доказательства, представленные в ходе судебного разбирательства, опровергли этот довод. Было установлено, что ФИО1 намеренно проник в дом, зная, что хозяина нет, и заранее спланировал кражу имущества.

Апелляционная коллегия приняла во внимание положения пункта 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29, в котором указано, что квалифицирующий признак «незаконное проникновение в жилище» применяется, если лицо проникло в жилище с целью совершения хищения. Если же умысел на хищение возник позже, когда лицо уже находилось в жилище по другим причинам, данный квалифицирующий признак отсутствует. В данном случае суд установил, что умысел на хищение у ФИО1 возник еще до проникновения в дом, что делало применение п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража с незаконным проникновением в жилище) обоснованным.

Апелляционный суд отменил приговор суда первой инстанции, постановив новый апелляционный приговор. Действия ФИО1 были переквалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, что учитывало незаконное проникновение с целью хищения. Суд учел, как смягчающие обстоятельства (признание вины, раскаяние, состояние здоровья), так и отягчающее (совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения). С учетом

всех обстоятельств ФИО1 было назначено наказание в виде двух лет лишения свободы.

Этот пример показывает, как разъяснения Постановления Пленума способствуют единообразному применению закона. В данном случае квалификация действий осужденного была скорректирована в соответствии с разъяснениями, что позволило установить более точное соответствие между обстоятельствами дела и нормами уголовного права. Судебная практика показывает, насколько важна проверка момента возникновения умысла и мотива проникновения в жилище, что помогает избежать ошибок в квалификации и обеспечить справедливое наказание.

Рассмотрим пример из судебной практики, который демонстрирует сложность разграничения кражи и грабежа, а также важность учёта ключевых обстоятельств при квалификации действий подсудимого – Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-335/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-335/2020 [36].

В данном деле, рассмотренном Центральным районным судом г. Тольятти, изначально планируемая кража мужской куртки была переквалифицирована в грабёж из-за поведения подсудимого после того, как его действия стали очевидны для третьих лиц.

Суть дела заключалась в том, что подсудимый, находясь в торговом зале магазина, тайно похитил мужскую куртку стоимостью 2500 рублей, положив её в полиэтиленовый пакет. Когда он попытался покинуть магазин, минуя кассу и не оплатив товар, сотрудница магазина остановила его, указав на пустую вешалку. В этот момент противоправные действия подсудимого стали очевидными. Вместо того чтобы вернуть похищенное, подсудимый выбежал из магазина, держа товар в руках, и скрылся, распорядившись курткой по своему усмотрению.

Действия подсудимого изначально можно было рассматривать как кражу, поскольку хищение имущества началось тайно, без непосредственного наблюдения за его действиями. Однако в тот момент, когда сотрудница

магазина обнаружила преступление и потребовала вернуть похищенное, действия подсудимого приобрели характер открытого хищения. Он осознал, что его преступные действия стали явными, но, несмотря на это, продолжил удерживать похищенное имущество, открыто демонстрируя нежелание подчиниться требованиям вернуть товар.

На основании этих обстоятельств суд квалифицировал действия подсудимого по ч. 1 ст. 161 УК РФ как грабёж. Это решение согласуется с п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 года, в котором разъясняется, что тайное хищение становится открытым, если оно обнаруживается в процессе совершения преступления, а виновный осознаёт, что его действия стали очевидны для окружающих, но, несмотря на это, продолжает удерживать похищенное имущество и реализовывать противоправный умысел.

Суд учел наличие рецидива у подсудимого, что повлияло на избрание наказания в виде лишения свободы сроком на 1 год 4 месяца. При этом смягчающими обстоятельствами стали признание вины, активное содействие следствию и состояние здоровья подсудимого.

Этот пример показывает, насколько важно учитывать поведение виновного на всех этапах хищения, чтобы правильно квалифицировать преступление. Разграничение кражи и грабежа зависит от того, осознаёт ли виновный момент, когда его действия становятся очевидными для окружающих, и как он на это реагирует. Именно такие обстоятельства являются ключевыми для определения формы хищения и установления правильной юридической квалификации действий, что в конечном итоге влияет на справедливость вынесенного приговора.

Рассмотрим ещё один пример – Апелляционное постановление Магаданского областного суда Магаданской области № 22-537/2019 от 28 ноября 2019 г. по делу № 1-253/2019 [3]. Судебное разбирательство связано с открытым хищением имущества и служит примером сложности разграничения кражи и грабежа.

Осужденный Тимофеев Валерий Валерьевич был обвинен в том, что похитил денежные средства из гостевого агентства, куда изначально пришел с намерением снять жилье. Воспользовавшись тем, что сотрудница агентства отошла к окну, он взял деньги из коробки, стоявшей на рабочем столе, и попытался скрыться. Тимофеев утверждал, что его действия носили тайный характер, так как он предполагал, что преступление останется незамеченным. Однако сотрудница офиса, заметившая пропажу, сразу же начала преследование и громко кричала, призывая задержать вора, что сделало действия осужденного очевидными для окружающих.

Суд первой инстанции квалифицировал действия Тимофеева как грабёж, с чем он не согласился, подав апелляцию и настаивая на переквалификации на кражу. Апелляционный суд, рассмотрев дело, оставил приговор без изменений, обосновав это тем, что, согласно показаниям свидетелей и видеозаписям, Тимофеев осознавал, что его действия были замечены, и продолжал скрываться с похищенным имуществом, несмотря на попытки потерпевшей пресечь его действия. Суд отметил, что ключевым критерием для признания хищения открытым является осознание виновным того, что его действия стали очевидными для окружающих. Это соответствует разъяснениям, приведённым в пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 года, где указано, что хищение становится открытым, если оно обнаружено в процессе совершения, а виновный осознаёт это.

Этот пример подчёркивает важность анализа всех обстоятельств преступления, включая момент обнаружения хищения, поведение потерпевшего и реакцию виновного. Он иллюстрирует, что тайное хищение может перейти в открытое, если действия виновного становятся очевидными в процессе их совершения. Таким образом, правильная квалификация зависит от всесторонней оценки поведения всех участников происшествия.

В современных условиях развития цифровых технологий преступления, связанные с использованием электронных средств платежа, требуют особенно

внимательного подхода к квалификации. Основной сложностью является разграничение различных составов преступлений, таких как кража и мошенничество при завладении электронными платежными средствами. Важным критерием при этом становится наличие или отсутствие обмана, а также способ совершения хищения. Рассмотрим пример из судебной практики – дело Ю.Ю. Кактана, рассмотренное Верховным Судом РФ 29 сентября 2020 года, которое демонстрирует, как менялась квалификация его действий на разных этапах судебного разбирательства и какие доводы привели к пересмотру решения.

Итак, Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6 [27] показывает сложность квалификации преступлений, связанных с использованием найденной банковской карты для бесконтактной оплаты.

Ю.Ю. Кактан нашёл банковскую карту с функцией бесконтактной оплаты и использовал её для оплаты товаров на сумму более 3 тысяч рублей. Суд первой инстанции квалифицировал его действия как покушение на кражу с банковского счёта. Однако Шестой кассационный суд переквалифицировал действия осуждённого на мошенничество с использованием электронных средств платежа, посчитав, что обман был совершён путём умолчания о незаконности владения картой. На этом основании наказание было смягчено.

Заместитель Генерального прокурора оспорил это решение, указав на несоответствие квалификации действующему законодательству. Верховный Суд согласился с тем, что переквалификация на мошенничество необоснованна, поскольку хищение средств посредством бесконтактной оплаты не включает в себя введение в заблуждение работников торговых организаций. Как отмечено в кассационном представлении, бесконтактная оплата осуществляется без участия сотрудников торговых организаций, а на них не возложена обязанность проверять документы держателя карты. Таким образом, действия Ю.Ю. Кактана не могли быть квалифицированы как мошенничество, поскольку отсутствовал элемент обмана, предусмотренный

ст. 159.3 УК РФ. Вместо этого его действия должны рассматриваться как кража с банковского счёта, что более точно соответствует диспозиции п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Дело было возвращено на новое кассационное рассмотрение для определения правильной квалификации действий осужденного.

Правильное отграничение насильственного грабежа от разбоя относится к числу наиболее сложных вопросов квалификации преступлений против собственности. Дифференциация проводится по следующим параметрам: степень опасности насильственных действий (выше при разбое) и их целевая направленность (непосредственно для завладения имуществом в случае разбоя).

Судебная практика показывает, что в каждом конкретном случае квалификация преступления требует детального анализа всех обстоятельств, включая момент и мотив применения насилия, а также его последствия. Показательным примером является дело, рассмотренное Забайкальским краевым судом 28 февраля 2024 года.

Так, в Апелляционном постановлении Забайкальского краевого суда от 28 февраля 2024 года по делу № 1-256/2023 [1] рассматривался вопрос квалификации преступления, связанного с применением насилия и хищением имущества потерпевшего. В ходе судебного разбирательства возникла сложность в разграничении насильственного грабежа и разбоя, поскольку действия осужденного А.Е. Павленко содержали признаки обоих составов.

Суд установил, что потерпевший подвергся насилию со стороны А.И. Ветрова и А.Е. Павленко, однако не признал это насилие способом завладения имуществом. Побои были нанесены из хулиганских побуждений, что повлекло квалификацию действий по статье 116 УК РФ. Впоследствии Павленко, воспользовавшись ситуацией, завладел мобильным телефоном потерпевшего, мотивируя это необходимостью проверки его личных данных. Однако насильственные действия не имели прямой связи с хищением, что

позволило суду квалифицировать преступление не как разбой, а как насильственный грабеж.

В ходе судебного разбирательства особое внимание уделялось анализу характера примененного насилия. Установив, что физическое воздействие не угрожало жизни и здоровью потерпевшего, а также не использовалось непосредственно для завладения имуществом, суд отказался переквалифицировать деяние в разбой. Принятое решение закрепило важный правовой критерий: для квалификации как грабеж достаточно, чтобы насилие не было опасным для жизни и не служило средством хищения. Этот пример наглядно показывает, насколько тонкими могут быть различия между смежными составами и как существенно влияет на квалификацию установление цели применения насильственных действий.

Таким образом, анализ судебной практики по делам о хищениях выявляет ряд существенных проблем в квалификации данных преступлений, требующих особого внимания правоприменителей. В первую очередь выделяется проблематика разграничения находки и кражи, где ключевым становится момент возникновения умысла на хищение и осознание принадлежности имущества другому лицу, что подтверждается позицией Конституционного Суда РФ в Постановлении № 2-П/2023. Вторым значимым аспектом является правильная квалификация действий при незаконном проникновении в жилище, где определяющим фактором выступает момент возникновения умысла на хищение - до или после проникновения, что существенно влияет на квалификацию по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Особую сложность представляет разграничение кражи и грабежа, где ключевым моментом является осознание виновным того, что его действия стали очевидными для окружающих, и его последующее поведение. В эпоху современных технологий становится актуальной проблема квалификации хищений с использованием электронных средств платежа, где основным критерием разграничения между кражей и мошенничеством становится наличие или отсутствие обмана. Наконец, сложным остается вопрос

разграничения насильственного грабежа и разбоя, где определяющими факторами выступают характер применяемого насилия, его опасность для жизни и здоровья, а также причинно-следственная связь между насилием и хищением. Все эти аспекты требуют тщательного анализа фактических обстоятельств каждого дела и единообразного подхода к квалификации, основанного на разъяснениях высших судебных инстанций.

Таким образом, анализ судебной практики по делам о хищениях выявляет многочисленные проблемы квалификации: расширительное толкование предмета хищения, включая признание безналичных денежных средств предметом кражи; противоречивые подходы к разграничению находки и кражи, где позиция Конституционного Суда РФ фактически криминализировала присвоение находки; сложности с определением малозначительности деяний при хищениях из-за субъективности критериев оценки; проблемы квалификации при незаконном проникновении в жилище, требующие установления момента возникновения умысла; трудности разграничения единичного преступления и множественности хищений; сложность отграничения кражи от грабежа в случаях трансформации тайного хищения в открытое; неоднозначная квалификация хищений с использованием электронных средств платежа, связанная с установлением наличия обмана; проблемы квалификации использования природных ресурсов (валежника и ветровальной древесины) как хищения; а также сложность разграничения насильственного грабежа и разбоя на основе характера насилия и его причинной связи с хищением.

3.2 Рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за хищение

Анализ проблемных вопросов квалификации хищений по российскому уголовному праву выявил необходимость совершенствования

соответствующего законодательства. Предлагаемые ниже рекомендации направлены на устранение выявленных проблем и противоречий, повышение эффективности правоприменительной практики и обеспечение единообразного подхода к квалификации хищений.

Первостепенное значение имеет дополнение законодательного определения хищения, содержащегося в примечании к ст. 158 УК РФ. Предлагается дополнить примечание к ст. 158 УК РФ пунктом, содержащим определение понятия «изъятие имущества», под которым следует понимать «противоправное извлечение имущества из владения собственника или иного законного владельца против или помимо их воли».

Предложенная формулировка создает правовые основания для разграничения уголовно наказуемого хищения и присвоения находки, делая акцент на обязательном признаке хищения - противоправном завладении имуществом, находящимся в чьем-либо владении.

Для решения проблемы квалификации присвоения находки предлагается ввести в УК РФ отдельную статью, предусматривающую ответственность за присвоение найденного имущества. Эту норму целесообразно разместить в главе 21 УК РФ, но отдельно от других статей о хищениях. Предлагаемая редакция: «Статья 158.2. Присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества. Присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества значительной стоимости, при условии, что виновный имел возможность установить собственника или иного законного владельца этого имущества, - наказывается...». Санкция за данное преступление должна быть мягче, чем за кражу, что соответствует меньшей общественной опасности такого деяния.

Учитывая сложности разграничения кражи и мошенничества при использовании электронных средств платежа, предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, уточнив понятие обмана при совершении данного преступления: «Хищение чужого имущества, совершенное с использованием электронных средств платежа путем: а) сообщения работнику кредитной,

торговой или иной организации заведомо ложных сведений; б) умолчания о фактах, сообщение о которых является обязательным, если указанные действия были направлены на введение в заблуждение работников кредитной, торговой или иной организации с целью хищения, - наказывается...». Эта формулировка позволит точнее отграничивать мошенничество от кражи в случаях бесконтактной оплаты чужой банковской картой.

Для устранения противоречий в практике применения п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража с незаконным проникновением в жилище) предлагается дополнить примечания к статье следующим положением: «Под незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище в статьях настоящей главы понимается противоправное тайное или открытое вторжение в жилище, помещение или иное хранилище с целью совершения хищения чужого имущества. Если умысел на хищение возник у лица после проникновения в жилище, помещение или иное хранилище, совершенного с иной целью, действия такого лица не могут квалифицироваться по признаку незаконного проникновения в жилище, помещение или иное хранилище». Это уточнение позволит избежать различного толкования данного признака и обеспечит единообразную судебную практику.

Для устранения неопределенности в вопросах квалификации незаконного завладения природными ресурсами рекомендуется дополнить УК РФ специальной нормой: «Статья 158.3. Незаконное завладение природными ресурсами. 1. Незаконное завладение природными ресурсами, не обособленными от природной среды, за исключением случаев, предусмотренных статьями 191, 191.1, 256, 258, 258.1, 260 настоящего Кодекса, если это деяние причинило значительный ущерб, - наказывается...». Введение данной нормы позволит четко разграничить хищение как посягательство на обособленное от природной среды имущество и незаконное природопользование.

Для решения проблемы субъективной оценки малозначительности хищений предлагается дополнить примечания к ст. 158 УК РФ следующим

пунктом: «Хищение чужого имущества признается малозначительным деянием в соответствии с частью 2 статьи 14 настоящего Кодекса, если стоимость похищенного не превышает одной тысячи рублей, при отсутствии квалифицирующих признаков, предусмотренных частями 2, 3 и 4 настоящей статьи, и при условии, что виновное лицо не имеет неснятой или непогашенной судимости за преступления против собственности». Такое законодательное закрепление критериев малозначительности позволит избежать субъективизма при принятии решений о возбуждении или отказе в возбуждении уголовных дел.

Для решения проблемы разграничения единичного продолжаемого преступления и множественности преступлений рекомендуется дополнить примечания к ст. 158 УК РФ следующим пунктом: «Хищение признается продолжаемым, если оно состоит из ряда тождественных действий, охватываемых единым умыслом, направленным на достижение общей цели, и совершаемых в отношении одного и того же потерпевшего либо в отношении одного и того же имущества. При этом стоимость похищенного определяется исходя из общей стоимости имущества, похищенного в результате всех эпизодов продолжаемого хищения». Это позволит обеспечить единообразный подход к квалификации сложных случаев хищений, состоящих из нескольких эпизодов.

Для более четкого разграничения насильственного грабежа и разбоя предлагается уточнить диспозицию ч. 2 ст. 161 УК РФ: «2. Грабеж, совершенный: ... г) с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, или с угрозой применения такого насилия, при условии, что такое насилие применялось для завладения имуществом потерпевшего, - наказывается...». Предлагаемая формулировка позволит более четко разграничить насильственный грабеж от случаев, когда насилие применяется по иным мотивам, а также от разбоя, где насилие представляет опасность для жизни или здоровья.

Для повышения эффективности законодательства рекомендуется пересмотреть систему наказаний за хищения по следующим направлениям:

- расширение применения альтернативных лишению свободы видов наказаний за ненасильственные хищения, совершенные впервые;
- усиление ответственности за хищения, совершенные при рецидиве;
- дифференциация ответственности в зависимости от размера причиненного ущерба с более детальной градацией (значительный, крупный, особо крупный размер).

Предложенные рекомендации направлены на системное совершенствование уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за хищения. Их реализация позволит устранить выявленные противоречия, обеспечить единообразный подход к квалификации хищений различных видов, повысить эффективность правоприменительной практики и обеспечить соблюдение принципов справедливости и законности при привлечении к уголовной ответственности за преступления против собственности.

Ключевыми направлениями такого совершенствования являются: уточнение понятия и признаков хищения, законодательное разграничение кражи и присвоения находки, совершенствование норм об ответственности за хищения с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, уточнение квалифицирующих признаков кражи, совершенствование регламентации ответственности за хищения природных ресурсов, введение четких критериев малозначительности хищения и разграничения продолжаемого хищения и совокупности преступлений, а также оптимизация системы наказаний за хищения.

Представим выводы по третьей главе исследования.

Анализ судебной практики по делам о хищениях выявляет множество проблем, препятствующих единообразному применению уголовного закона. Среди ключевых проблем следует выделить расширительное толкование предмета хищения, включая признание безналичных денежных средств

предметом кражи; противоречивый подход к квалификации присвоения находки, где позиция Конституционного Суда РФ фактически криминализовала данное деяние вопреки историческим традициям российского права; сложность разграничения единичного продолжаемого преступления и множественности хищений; неопределенность в применении критериев малозначительности из-за их субъективной оценки; проблемы квалификации хищений природных ресурсов, где особенно спорным остается вопрос квалификации заготовки ветровальной древесины; трудности в установлении момента возникновения умысла при незаконном проникновении в жилище; сложности разграничения кражи и грабежа в случаях трансформации тайного хищения в открытое; неоднозначную квалификацию хищений с использованием электронных средств платежа, где ключевым становится наличие или отсутствие обмана; а также проблемы разграничения насильственного грабежа и разбоя на основе характера насилия и его причинной связи с хищением. Эти противоречия в судебной практике требуют законодательных решений, обеспечивающих правовую определенность и справедливость уголовной ответственности.

В результате предлагаются следующие рекомендации:

- дополнить примечание определением понятия «изъятие имущества»;
- ввести в УК РФ отдельную статью 158.2, предусматривающую ответственность за присвоение найденного имущества, с более мягкой санкцией;
- уточнить в ч. 1 ст. 159.3 УК РФ понятие обмана при совершении мошенничества с использованием электронных средств платежа;
- дополнить примечания к ст. 158 УК РФ положением о незаконном проникновении в жилище, уточняющим момент возникновения умысла;
- ввести специальную норму (ст. 158.3) об ответственности за незаконное завладение природными ресурсами;
- законодательно закрепить критерии малозначительности хищения;

- дать определение продолжаемого хищения в примечаниях к ст. 158 УК РФ;
- уточнить диспозицию ч. 2 ст. 161 УК РФ для четкого разграничения насильственного грабежа и разбоя;
- пересмотреть систему наказаний за хищения, расширив применение альтернативных лишению свободы видов наказаний за ненасильственные хищения, усилив ответственность за рецидив и дифференцировав ответственность в зависимости от размера ущерба.

Реализация этих рекомендаций позволит устранить выявленные противоречия, обеспечить единообразный подход к квалификации хищений, повысить эффективность правоприменительной практики и обеспечить соблюдение принципов справедливости и законности при привлечении к уголовной ответственности за преступления против собственности.

Заключение

Представим выводы по результатам проведенного исследования.

Анализ понятия хищения, закреплённого в примечании 1 к статье 158 УК РФ, позволяет выделить его основные признаки: противоправность, корыстную цель, безвозмездность, изъятие или обращение чужого имущества и причинение ущерба собственнику или иному владельцу. Противоправность указывает на нарушение законных прав собственника, корыстная цель характеризует стремление к незаконному обогащению, безвозмездность отражает экономическую сущность хищения, а изъятие или обращение имущества составляют объективную сторону преступления. Несмотря на наличие легального определения хищения, в научной литературе продолжают дискуссии о содержании отдельных признаков.

Уголовное законодательство России предусматривает различные формы хищения (кражу, мошенничество, грабёж, разбой, присвоение или растрату). Каждая форма имеет свои специфические признаки, влияющие на квалификацию и назначение наказания. Виды хищения классифицируются в зависимости от размера причинённого ущерба: мелкое хищение, «простое», в крупном и особо крупном размерах. Важную роль в формировании единообразной судебной практики играют постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющие сложные вопросы квалификации и разграничения различных форм хищения. В научной литературе предлагаются и альтернативные подходы к классификации хищений, например, деление на тайные и открытые или классификация по объекту посягательства. Правильное разграничение видов и форм хищения имеет принципиальное значение для обеспечения законности и индивидуализации уголовной ответственности.

Историческое развитие уголовной ответственности за хищения в отечественном законодательстве прошло сложный путь от казуистичных норм «Русской Правды», использовавшей термины «воровство» и «татьба», до

современной системной регламентации. Псковская судная грамота 1467 г. впервые разграничила грабёж и разбой по признаку опасности для жизни потерпевшего. Соборное Уложение 1649 г. установило дифференцированную ответственность в зависимости от объекта посягательства. Уложение о наказаниях 1845 г. детально описало виды хищений, способы их совершения и отягчающие обстоятельства, а само понятие «хищение» появилось в законодательстве лишь в 1921 году. В советский период произошло разделение защиты государственной и личной собственности, а объединение норм о защите всех форм собственности состоялось только в 1994 году. Действующий УК РФ 1996 года закрепил единое понятие хищения и объединил основные составы в главе «Преступления против собственности». Исторический анализ показывает, что эффективность правовой защиты собственности зависит от точности законодательного определения хищения, чёткого разграничения его форм и установления справедливой ответственности с учётом общественной опасности деяния.

Объективные признаки хищения включают объект, предмет и объективную сторону преступления, которые характеризуют внешнее проявление деяния. Родовой объект — экономические отношения, видовой — отношения собственности, а непосредственный объект — право собственности. Предметом хищения является чужое имущество, обладающее физическим, экономическим и юридическим признаками. Объективная сторона хищения заключается в противоправном изъятии и обращении чужого имущества в пользу виновного, что приводит к ущербу для собственника. Ущерб определяется стоимостью похищенного имущества, что важно для квалификации хищения, включая мелкие и крупные размеры. Различие форм хищения, таких как кража, грабеж, разбой и мошенничество, также зависит от способа совершения деяния.

Субъективная сторона хищения характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Умысел при хищении всегда прямой, поскольку преступник осознает общественную опасность своих действий и желает причинить

имущественный ущерб собственнику. Корыстная цель, согласно современной судебной практике, включает стремление изъять чужое имущество для личного обогащения или распоряжения им как своим собственным, включая передачу третьим лицам. Установление этих признаков важно для квалификации хищения и разграничения его от других преступлений, а также для правильного применения уголовного закона и назначения справедливого наказания.

Анализ судебной практики по делам о хищениях выявляет множество проблем, препятствующих единообразному применению уголовного закона. Среди ключевых проблем следует выделить расширительное толкование предмета хищения, включая признание безналичных денежных средств предметом кражи; противоречивый подход к квалификации присвоения находки, где позиция Конституционного Суда РФ фактически криминализировала данное деяние вопреки историческим традициям российского права; сложность разграничения единичного продолжаемого преступления и множественности хищений; неопределенность в применении критериев малозначительности из-за их субъективной оценки; проблемы квалификации хищений природных ресурсов, где особенно спорным остается вопрос квалификации заготовки ветровальной древесины; трудности в установлении момента возникновения умысла при незаконном проникновении в жилище; сложности разграничения кражи и грабежа в случаях трансформации тайного хищения в открытое; неоднозначную квалификацию хищений с использованием электронных средств платежа, где ключевым становится наличие или отсутствие обмана; а также проблемы разграничения насильственного грабежа и разбоя на основе характера насилия и его причинной связи с хищением. Эти противоречия в судебной практике требуют законодательных решений, обеспечивающих правовую определенность и справедливость уголовной ответственности.

В результате предлагаются следующие рекомендации:

- дополнить примечание определением понятия «изъятие имущества»;

- ввести в УК РФ отдельную статью 158.2, предусматривающую ответственность за присвоение найденного имущества, с более мягкой санкцией;
- уточнить в ч. 1 ст. 159.3 УК РФ понятие обмана при совершении мошенничества с использованием электронных средств платежа;
- дополнить примечания к ст. 158 УК РФ положением о незаконном проникновении в жилище, уточняющим момент возникновения умысла;
- ввести специальную норму (ст. 158.3) об ответственности за незаконное завладение природными ресурсами;
- законодательно закрепить критерии малозначительности хищения;
- дать определение продолжаемого хищения в примечаниях к ст. 158 УК РФ;
- уточнить диспозицию ч. 2 ст. 161 УК РФ для четкого разграничения насильственного грабежа и разбоя;
- пересмотреть систему наказаний за хищения, расширив применение альтернативных лишению свободы видов наказаний за ненасильственные хищения, усилив ответственность за рецидив и дифференцировав ответственность в зависимости от размера ущерба.

Реализация этих рекомендаций позволит устранить выявленные противоречия, обеспечить единообразный подход к квалификации хищений, повысить эффективность правоприменительной практики и обеспечить соблюдение принципов справедливости и законности при привлечении к уголовной ответственности за преступления против собственности.

Таким образом, цель исследования достигнута, поставленные задачи решены.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда Забайкальского края № 22-438/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 1-256/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SgioxFLDoCJ9/> (дата обращения: 11.01.2025 г.).
2. Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда Забайкальского края № 22-1178/2019 от 29 апреля 2019 г. по делу № 22-1178/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fO40jlrBkTхu/> (дата обращения: 11.01.2025 г.).
3. Апелляционное постановление Магаданского областного суда Магаданской области № 22-537/2019 от 28 ноября 2019 г. по делу № 1-253/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SQTqIJSyL3rQ/> (дата обращения: 11.01.2025 г.).
4. Архипов А.В. Ущерб как признак хищения // Уголовное право. 2023. № 11 (159). С. 3-9.
5. Безверхов А.Г., Иванова О.М. О разграничении единичного преступления и множественности преступлений при квалификации хищений // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 1. С. 47-53.
6. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 775 с.
7. Вилитенко Т.О. Дифференциация уголовной ответственности за хищение чужого имущества // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 26-3. С. 33-35.
8. Винокуров В.Н. Общественная опасность и малозначительность деяния // Уголовное право. 2023. № 10 (158). С. 3-11.
9. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права [Текст] / проф. М.Ф. Владимирский-Буданов. - Ростов н/Д : Феникс, 1995. 639 с.
10. Власов Ю.А. Момент окончания хищений // Уголовное право. 2023. № 3 (151). С. 46-53.

11. Волженкин Б.В. Экономические преступления / Б.В. Волженкин. - СПб. : Юрид. центр Пресс, 1999. 296 с.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 11.01.2025 г.).
13. Ершова О.П. Формы и виды хищений в уголовном праве России // Юриспруденция XXI века: позиции закона, доктрины и практики : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 01 марта 2023 года. Иркутск : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. С. 38-46.
14. Есаков Г.А. Корыстная цель в хищении и новое постановление Пленума о судебной практике по делам о мошенничестве // Уголовное право. 2018. № 1. С. 47-52.
15. Жижиленко А.А. Преступления против имущества и исключительных прав. Л. : Наука, 1928. 208 с.
16. Кабанов П.А., Исмаилов Д.А. К вопросу о проблемных аспектах уголовно-правовой квалификации малозначительности деяния по делам о хищении // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10, № 2. С. 251-256.
17. Клепицкий И.А. Что не так с понятием хищения? // Уголовное право. 2023. № 12 (160). С. 23-40.
18. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 11.01.2025 г.).
19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11.01.2025 г.).

20. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М. : Юридическая литература, 1974. 336 с.

21. Ланге Н.И. Исследование об уголовном праве Русской правды / Соч. Н. Ланге. [Санкт-Петербург] : тип. 2 Отд. С. е. и. в. канцелярии, ценз. 1860. 290 с.

22. Маркелов Д.Ю. Понятие хищения и место мошенничества как формы хищения // Научный альманах. 2022. № 2-1(88). С. 94-97.

23. Медведева Е. Проблемы в определении понятия, признаков, форм и видов хищения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 12-3(87). С. 211-214.

24. Насыбуллин Л.И., Пирогов П.П. Проблемы определения понятия и признаков хищения чужого имущества в уголовном законодательстве Российской Федерации // Sciences of Europe. 2021. № 84-2(84). С. 15-21.

25. Определение Верховного суда РФ. Дело № 9-ДП08-11. [Электронный ресурс]. URL: <https://dogovor-urist.ru> (дата обращения: 11.01.2025 г.).

26. Определение КС РФ от 11.04.2019 № 862-О [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-11042019-n-862-o-po> (дата обращения: 11.01.2025 г.).

27. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29092020-n-12-udp20-5-k6/> (дата обращения: 11.01.2025 г.).

28. Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 12-УДП20-5-К6 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29092020-n-12-udp20-5-k6/> (дата обращения: 11.01.2025 г.).

29. Письмо Рослесхоза от 25 февраля 2016 г. № ЕК-07-54/1985 «О рубке

сухостойных деревьев и присвоении древесины ветровальных, буреломных деревьев» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

30. Попов А.Н. Русская правда в отношении к уголовному праву : О «Русской правде» : Рассуждение на степ. магистра канд. Моск. ун-та Александра Попова. М.: Унив. тип., 1841. 122 с.

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 11.01.2025 г.).

32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 11.01.2025 г.).

33. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730 (ред. от 18 декабря 2020 г.) «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 1. Ст. 25.

34. Приговор Волосовского районного суда Ленинградской области № 1-188/2020 от 9 октября 2020 г. по делу № 1-188/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1MCk8vpCM55R/> (дата обращения: 11.01.2025 г.).

35. Приговор Свердловского областного суда Свердловской области № 22-1925/2020 от 22 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1PznSKVFp7LJ/> (дата обращения: 11.01.2025 г.).

36. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-335/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-335/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/d17PMRCEgeQO/> (дата обращения:

11.01.2025 г.).

37. Рарог А.И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. М. : Проспект, 2020. 1112 с.

38. Селяков Н.А., Рогов С.Д. К вопросу о классификации форм хищения в уголовном законодательстве РФ // На пути к гражданскому обществу. 2020. № 4 (40). С. 109-112.

39. Скреля К.Ю. Из истории законодательной мысли – анализ «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 г. // Научный вестник Крыма. 2019. № 3 (21). С. 1-16.

40. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. М. : Наука, 1994. 380 с.

41. Третьяк М.И. Мошенничество как преступление против собственности в современном уголовном праве: курс лекций. М., 2014. 194 с.

42. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.01.2025 г.).

43. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства на личность и имущество. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. 442 с.

44. Хилjuta В.В. Забытое имущество и его характеристика в контексте установления признаков кражи и присвоения найденного // Синергия. 2018. № 2. С. 74-84.

45. Хилjuta В.В. Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования? // Lex Russica. 2020. № 4 (161). С. 92-101.

46. Хмелевская Т.А. Доктринально-правовой анализ субъективных признаков хищения, как преступления против собственности // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2023. № 2 (56). С. 141-147.

47. Южиков А.А., Ишков Ю.В. Истоки возникновения видов хищений

чужого имущества // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2024. Т. 1, № 3 (108). С. 127-133.

48. Яни П.С. Корысть как признак хищения // Законность. 2019. № 3 (1013). С. 21-25.

49. Яни П.С. Преступное посягательство на имущество // Законность. 1998. № 9. С. 70-78.

50. Ярыш В.Д. Современная оценка Соборного уложения 1649 г. как источника права // Общество и право. 2021. № 1 (75). С. 137-141.